

УДК 339.9

DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-139-148>

Получено: 08.10.2021

Статья доработана после рецензирования: 05.11.2021

Принято: 26.11.2021

Исследование складывающейся роли Китайской Народной Республики в урегулировании конфликта в Исламской Республике Афганистан

Шарипов Фанис Фалихович

Канд. экон. наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0129-017X>, e-mail: fanissh@rambler.ru

Дьяконова Мария Александровна

Канд. полит. наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4514-5927>, e-mail: marie.d@mail.ru

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»,
109542, Рязанский проспект, 99, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация

Многовековая, обострившаяся в последние десятилетия, борьба за влияние в Азии, получила нового игрока в лице динамично развивающегося Китая, одного из лидеров мировой политики и экономики сегодняшнего дня. Авторы, опираясь на мнение зарубежных и отечественных экспертов, определяют причины участия и роль Китайской Народной Республики (КНР) в урегулировании конфликта в Исламской Республике Афганистан (ИРА), увязывают эту деятельность с обновлением стратегии Китая на Ближнем Востоке в целом. Работа, проведенная авторами за последние полгода, получила стремительное развитие в последние недели и даже дни, что говорит о развивающейся турбулентности геополитических процессов в последнее время.

В статье классифицирован весь комплекс интересов КНР в ИРА, выявлены факторы, влияющие на формирование системы интересов Китая в Афганистане, включая факторы международной среды. Выявлены последствия пандемии и новые возможности Китая использовать «мягкую силу» в продвижении своих интересов. Определена стратегия КНР в регионе, уделено внимание вопросам безопасности. Представлены предполагаемые шаги Пекина по продвижению своих проектов в регионе.

Ключевые слова: Китай, Афганистан, урегулирование конфликта, Ближний Восток, Центральная Азия, Шанхайская организация сотрудничества, стратегия, мягкая сила

Для цитирования: Шарипов Ф.Ф., Дьяконова М.А. Исследование складывающейся роли Китайской Народной Республики в урегулировании конфликта в Исламской Республике Афганистан // Управление. 2021. Т. 9. № 4. С. 139–148. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-4-139-148

Received: 08.10.2021

Revised: 05.11.2021

Accepted: 26.11.2021

Study on the evolving role of the People's Republic of China in resolving the conflict in the Islamic Republic of Afghanistan

Fanis F. Sharipov

Cand. Sci. (Econ.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0129-017X>, e-mail: fanissh@rambler.ru

Maria A. Dyakonova

Cand. Sci. (Polit.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4514-5927>, e-mail: marie.d@mail.ru

State University of Management, 99, Ryazansky prospekt, Moscow, 109542, Russia

Abstract

The age-old struggle for influence in Asia, intensified in recent decades, has gained a new player in the form of dynamic China, one of the leaders of world politics and the economy of today. The authors draw on the opinions of foreign and domestic experts to determine the reasons for the involvement and role of the People's Republic of China (PRC) in resolving the conflict in the Islamic Republic of Afghanistan (IRA) and to link these activities to China's renewed strategy in the Middle East as a whole. The research done by the authors over the last six months has developed rapidly in recent weeks and even days, indicating that geopolitical turbulence is developing in recent times.

The article classifies the full range of the People's Republic of China interests in the Islamic Republic of Afghanistan and identifies the factors that influence the formation of China's system of interests in Afghanistan, including factors in the international environment. The consequences of the pandemic and China's new opportunities to use soft power to advance its interests have been identified. The People's Republic of China's strategy in the region has been defined and attention has been paid to security issues.

Beijing's envisaged steps to promote its projects in the region have been presented.

Keywords: China, Afghanistan, conflict settlement, Middle East, Central Asia, Shanghai Cooperation Organisation, strategy, soft power

For citation: Sharipov F.F., Dyakonova M.A. (2021). Study on the evolving role of the People's Republic of China in resolving the conflict in the Islamic Republic of Afghanistan. *Upravlenie / Management (Russia)*, 9 (4), pp. 139–148. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-4-139-148

Введение / Introduction

В 2019–2021 гг. в мировой геополитической ситуации произошли значительные перемены. После первых волн пандемии COVID-19, когда мировое сообщество вошло в фазу кризиса, экономика стран постепенно восстанавливается, но происходит это неравномерно. Основы международного экономического сотрудничества, его инвестиционная составляющая, в частности, продолжают претерпевать серьезные изменения. Многие страны сталкиваются с негативными последствиями пандемии в области национального экономического развития и международного экономического сотрудничества, и это требует особого внимания при реализации различных инфраструктурных проектов.

Тема исследования статьи — политико-экономическая ситуация, складывающаяся сегодня в регионе Центральной Азии, в частности, в Афганистане и роль Китая в урегулировании конфликта в этом регионе.

Методы исследования / Methods

В исследовании применялся междисциплинарный подход, использующий методы системной, эволюционной, институциональной экономики, а также общенаучные методы (типологический анализ, сравнительный анализ, научная абстракция, синтез). При помощи эволюционного метода исследовано формирование и развитие ситуации в Афганистане с учетом воздействия факторов внешней и внутренней среды. Метод классификации позволил исследовать весь комплекс интересов Китая в Афганистане. Причинно-следственный метод позволил выявить факторы, влияющие на формирование системы интересов Китая в Афганистане, включая факторы международной среды. Исторический метод позволил выявить закономерности принимаемых решений и следующих за ними действий в историческом контексте. Системный подход позволил не упустить составляющие структуры отношений всех заинтересованных сторон в исследуемом регионе как системы, состоящей из подсистем (объектов, процессов, проектов, сред) и взаимосвязей между ними, а также сделать корректные выводы, разработать рекомендации по совершенствованию управления бизнес-экосистемами и социально-экономической экосистемой бизнеса.

Постановка проблемы / Problem statement

Мировое экспертное сообщество отмечает активную роль Китая в урегулировании многоаспектного конфликта в Исламской Республике Афганистан (далее — ИРА). Большинство из них сходятся

во мнении, что Китайская Народная Республика (далее — КНР) имеет очень серьезный потенциал для посредничества в диалоге между различными группировками в ИРА. Среди причин, объясняющих повышенный интерес Китая к урегулированию конфликта и стабилизации рассматриваемого региона, следует отметить наличие общей границы между этими государствами, что является серьезным фактором для китайской сферы обороны и безопасности.

С китайской стороны с ИРА граничит «неспокойный» Синьцзян-Уйгурский автономный район (далее — СУАР). Поддержание стабильности в этой провинции КНР — отдельная проблема: прошло более 10 лет после подавления (в июле 2009 г.) массовых антикитайских выступлений в СУАР, но этот регион и сегодня является потенциальной точкой нестабильности в стране. Особенно это стало актуальным после реализации в практической плоскости инициативы «Один пояс — один путь», так как ряд проектов по развитию инфраструктуры в СУАР, например, китайско-пакистанский экономический коридор, напрямую затрагивает эту провинцию [O'Brien and Primiano, 2020]. Синьцзян-Уйгурский автономный район — один из наиболее крупных по площади регионов КНР и вместе с тем наименее развитых, поэтому ключевой аспект внутренней политики Пекина в этом районе — развитие инфраструктуры.

Основные результаты / Results

Особенности инфраструктуры региона / Features of the region's infrastructure

Предложенный КНР проект «Один пояс — один путь», или «Экономический пояс Шелкового пути», перекликается с реализацией Великого Шелкового пути, который объединял торговые возможности Китая с центральной частью России и другими государствами Европы, а также соединял Китай со странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, а через последние — со Средиземным морем (Южной Европой и Северной Африкой). Поэтому руководство КНР считает необходимым продолжить действовать в духе древнего Шелкового пути, невзирая на экономический спад вследствие пандемии¹ [Румянцев, 2019]. Для КНР актуальность этого проекта сложно переоценить: товары, произведенные в Китае, смогут достичь потребителей в других странах в несколько раз быстрее по новым путям. Пекин сможет укрепить свое положение в регионе

¹ MFA (2015). Vision and actions on jointly building Silk Road economic belt and 21st-century Maritime Silk Road // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml (дата обращения: 28.09.2021).

Ближнего Востока и проложить короткий путь на африканский континент.

Экономические интересы Китая в регионе / China's economic interests in the region

Относительно экономической составляющей китайской политики в центрально-азиатском регионе пакистанский специалист по вопросам безопасности на Большом Ближнем Востоке К. Хумаюн, работавший в свое время послом Пакистана в Афганистане, считает, что китайская политика основана на долгосрочном, перспективном и прогнозируемом подходе, основанном на собственных, в основном экономических, интересах с применением «мягкой силы»² [Sarwar and Siraj, 2021]. Пекин последовательно выступает за укрепление торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества в регионе как основу стабилизационных процессов. В качестве примера можно привести создание китайско-пакистанского экономического коридора с возможным подключением к нему в будущем ИРА в рамках проекта «Один пояс — один путь»³ [Sarker et al, 2018]. Еще один эксперт, представитель американского Института Ближнего Востока В. Каура в 2020 г. обращал внимание на прагматичный подход китайской стороны к поддержанию отношений как с официальным руководством Афганистана, так и с движением «Талибан» (на территории Российской Федерации запрещено)⁴, другими полевыми командирами и авторитетными политиками⁵. Посол КНР в ИРА В. Юй, среди прочего, предлагал помощь в борьбе с пандемией COVID-19⁶. Представитель движения

«Талибан» З. Муджахид рассматривает Китай в качестве основного партнера, ожидая от китайской стороны инвестиций и участия в развитии инфраструктуры Афганистана, выделяя среди направлений экономического сотрудничества возрождение и развитие горнодобывающей промышленности⁷. К особым сферам внимания со стороны КНР относятся разведка и разработка месторождений угля, нефти, газа, металлических минералов и других обычных источников энергии. По мнению С. Ткаченко, эксперта, профессора Санкт-Петербургского государственного университета, «Китай будет продавать свою дипломатическую поддержку за счет большого доступа к природным ресурсам Афганистана», при талибах ИРА установит взаимовыгодные отношения с Пекином⁸. Китай является третьим по величине после Ирана и Пакистана торговым партнером и ведущей страной в части инвестиций в афганскую экономику [Юсуфзай, Шах, 2019]. Китай заинтересован в природных ресурсах Афганистана на общую стоимость порядка 1 трлн долл. США, среди которых эксперты особо выделяют углеводороды в виде нефти и природного газа, уголь, медь, хромит, тальк, бариты, серу, свинец, цинк, железную руду, соль, черные, цветные, редкоземельные и драгоценные металлы, драгоценные и полудрагоценные камни, а также пахотные земли⁹ [Factbook, 2021]. Еще в 2007 г. Китай выиграл тендер на разработку медного месторождения Айнак, расположенного поблизости от Кабула в провинции Логар, в рамках которого Пекин должен был подготовить железнодорожное строительство от Мазари-Шарифа до Кабула, по соглашению от 2010 г. Российский ученый-востоковед, эксперт по Центральной Азии, Афганистану, Среднему и Ближнему Востоку, а также Кавказу А.А. Князев¹⁰ [2021] делает акцент на том, что внутренняя обстановка и вопрос безопасности не позволили до сих пор реализовать эти проекты. По нашему

² Bokhari F. (2019). Afghanistan peace talks open way for China's Belt and Road // Nikkei Asia. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/Afghanistan-peace-talks-open-way-for-China-s-Belt-and-Road> (дата обращения: 27.09.2021).

³ Stone R. (2019). China's first engaged the Taliban to protect its interests in Afghanistan in the 90s. Decades later, history repeats itself // TRT World. Режим доступа: <https://www.trtworld.com/opinion/the-odd-couple-china-s-deepening-relationship-with-the-taliban-28712> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴ Запрещено на территории России решением Верховного суда РФ от 14.02.2003 г. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/print/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (дата обращения 02.10.2021).

⁵ Kaura V. (2020). What does China's growing engagement in Afghanistan mean for the US? // Middle East Institute. Режим доступа: <https://mei.edu/publications/what-does-chinas-growing-engagement-afghanistan-mean-us> (дата обращения: 10.09.2021).

⁶ Wang Yu. (2020). Xi's thought on diplomacy guides China and Afghanistan towards a deeper and richer relationship // Embassy of the People's Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan. Режим доступа: <http://af.china-embassy.org/eng/zagx/t1804308.htm> (дата обращения: 05.10.2021).

⁷ Зубарев Д. (2021). Талибан назвал Китай основным партнером Афганистана // Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2021/9/3/1117032.html> (дата обращения: 03.09.2021).

⁸ Макарова Н., Резчиков А. (2021). Эксперт рассказал о стратегии экономической экспансии Китая в Афганистан // Взгляд. Режим доступа: <https://vz.ru/news/2021/9/3/1117076.html> (дата обращения: 03.09.2021).

⁹ World Factbook (2021). Afghanistan // Central Intelligence Agency. The World Factbook. Режим доступа: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/> (дата обращения: 15.09.2021).

¹⁰ ИАЦ МГУ (2021). Алексей Князев: О судьбах трансафганских проектов // Информационно-аналитический Центр МГУ. Режим доступа: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/aleksandr-knyazev-o-sudbakh-transafganskikh-proektov/> (дата обращения: 16.09.2021).

мнению, с учетом пришедших недавно к власти таалибов, смена правительственных сил не позволит воплотить их и в ближайшее время.

В целом о реальных намерениях Китая участвовать в урегулировании афганской ситуации говорит хотя бы такой факт, как озвученное 8 сентября 2021 г. министром иностранных дел КНР решения о выделении Афганистану продовольствия, зимней одежды и вакцин на сумму 200 млн юаней (порядка 30,9 млн долл. США)¹¹.

И уже совсем новая информация: министр иностранных дел КНР Ван И предложил России, Ирану и Пакистану оказать помощь жителям Афганистана и заняться комплексом вопросов по дальнейшему урегулированию происходящих процессов в этой стране. Одновременно Соединенным Штатам Америки предложено взять на себя ответственность за восстановление Афганистана после вывода оттуда коалиционных войск. Эта новость была объявлена на встрече с министрами иностранных дел Российской Федерации, Исламской Республики Иран и Исламской Республики Пакистан в Душанбе. Ван И изложил конкретный план из пяти пунктов, касающийся вопросов оказания гуманитарной помощи, развития экономики, а также безопасности в регионе¹².

Возвращаясь к экономической повестке Китая в Афганистане, необходимо отметить, что обеспечение стабильности в ИРА позволит реализовать проект китайско-пакистанского экономического коридора. Афганистан по своему географическому расположению способен обеспечить кратчайший маршрут в Центральную Азию и на Ближний Восток. Например, в 2020 г., в пакистанский порт Гвадар прибыла первая партия товаров из стран Ближнего Востока транзитом через Афганистан. Здесь не обойтись без диалога с талибами по вопросам предотвращения нападений и терактов со стороны Армии освобождения Белуджистана, связанной с движением «Талибан» на территории Пакистана. Для понимания отметим, что крупная этническая группа белуджи, район проживания которых разделен между Афганистаном, Ираном и Пакистаном, в лице ее радикально настроенной части считают, что Китай

грабит исторически принадлежавшую им землю¹³. Негативная ситуация в связи с нехваткой воды, электричества и финансов соотносится отдельной частью пакистанцев и белуджей с многомиллиардными вложениями Пекина в проект «Один пояс — один путь» и влечет в Гвадаре протестные выступления. Совершаются нападения на жителей КНР, которых обвиняют в эксплуатации минеральных ресурсов Белуджистана. Отметим, что порт Гвадар был сдан в аренду Китаю на длительный срок для реализации инфраструктурных проектов в рамках «Одного пояса — одного пути»¹⁴. В южной части Пакистана Китай развивает порт Гвадар, который должен стать крупным энергетическим центром. Однако для получения прибыли новый порт должен также стать терминалом для природного газа из Центральной Азии через Афганистан. Но транспортировка по маршрутам или трубопроводам не могла быть спланирована в этой истерзанной войной стране¹⁵.

Очень важно, что Китай в своей работе по Афганистану пользуется весьма активной поддержкой соседних государств — Ирана, Пакистана, Таджикистана и Узбекистана, которые исторически имеют выстроенные, благоприятные дипломатические отношения с КНР и всячески поддерживают участие КНР в афганском урегулировании. Примечательна позиция известного независимого регионоведа С. Фазл-э-Хайдера, который отмечает, как Китай целенаправленно работал последнее десятилетие над решением проблем нестабильности в Афганистане с целью распространения своего влияния на Южную Азию, Центральную Азию, Ближний Восток и затем, в результате полученного влияния, и на Европу в целом¹⁶. Развивая эту тему, необходимо отметить усилия Китая по взаимодействию со странами Центральной Азии по вопросам безопасности. Отдельно необходимо отметить целенаправленную работу Китая

¹¹ РИА (2021). Китай предоставит Афганистану продовольствие, зимние товары и вакцины // РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20210908/afghanistan-1749208104.html> (дата обращения: 08.09.2021).

¹² Коммерсантъ (2021). Китай предложил РФ, Ирану и Пакистану план сотрудничества по Афганистану // Коммерсантъ, 17 сентября. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4988278> (дата обращения: 17.09.2021).

¹³ SRB (2020). Gwadar port processes first transit goods for Afghanistan markets // Silk Road Briefing. Режим доступа: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2020/07/27/gwadar-port-processes-first-transit-goods-afghanistan-markets/> (дата обращения: 27.09.2021).

¹⁴ Guardian (2021). Protests in Pakistan erupt against China's belt and road plan // The Guardian News. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/environment/2021/aug/20/water-protests-in-pakistan-erupt-against-chinas-belt-and-road-plan> (дата обращения: 20.09.2021).

¹⁵ Goulard S. (2021). Does the Belt and Road have a future in Taliban-ruled Afghanistan? // The Diplomat. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/08/does-the-belt-and-road-have-a-future-in-taliban-ruled-afghanistan/> (дата обращения: 21.09.2021).

¹⁶ Azad S. (2020). China's Stake in the Afghan Peace Process // The Diplomat. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/09/chinas-stake-in-the-afghan-peace-process/> (дата обращения: 22.09.2021).

по усилению своего влияния в странах Центральной Азии с целью создания перспективного региона по реализации инициативы «Один пояс — один путь». Два из трех вариантов «Экономического пояса Шелкового пути» запланированы с участием Центральной Азии:

- Китай — Центральная Азия — Россия — Европа;
- Китай — Центральная и Западная Азия — Персидский залив и Средиземное море.

Далее, перечислим запланированные в рамках реализации названных выше коридоров проекты транспортной и энергетической инфраструктуры: автотрассы «Западный Китай — Западная Европа» через Казахстан; «Китай — Киргизия — Узбекистан»; «Бишкек — Нарын — Торугарт» (Киргизия); железнодорожные тоннели через перевал Камчик (Узбекистан) и через Вахдат — Яван (Таджикистан); высоковольтные линии электропередач в Таджикистане и Киргизии; международный центр приграничного сотрудничества «Хоргос» (приграничная территория между Казахстаном и Китаем). С каждым из государств-партнеров Китай выстраивает долгосрочные экономические отношения с учетом конкретных интересов и национальной специфики.

Заслуживает внимания динамика развития сотрудничества Китая с еще одним соседом Афганистана — Исламской Республикой Иран. После отмены некоторых санкций в 2015 г. Китай планомерно наращивает свои инвестиции в эту страну. В первую очередь, естественно речь идет о проектах, включенных в реализацию инициативы «Один пояс — один путь». В июле 2017 г. был подписан инвестиционный договор по электрификации железной дороги Тегеран — Мешхед протяженностью 926 км. По планам китайских инвесторов в результате произведенных работ появится современная железнодорожная инфраструктура, которая свяжет Китай с Турцией и, далее, с Восточной Европой через Центральную Азию и Иран. Совершенно новый уровень инфраструктуры пассажирских перевозок появится в результате окончания строительства скоростной железной дороги «Тегеран — Исфахан», которое ведет China Railway Engineering Corp. Эта железнодорожная корпорация получила в 2018 г. право на строительство железной дороги «Тегеран — Хамедан — Санандадж» на западе Ирана и железной дороги «Шираз — Бушер» протяженностью 446 км (первый участок 250 км). Необходимо упомянуть и о договоренности поставок вагонов метро (450 шт.) в города Ахваз, Шираз и Тебриз китайской компанией CRRC Nanjing Puzhen Co. Отметим стремление Китая выстроить трехсторонний формат сотрудничества между Китаем, Ираном и Пакистаном в части, касающейся развития портовой инфраструктуры

в Оманском заливе. На острие китайско-пакистанского экономического коридора находится порт Гвадар, который совершенно точно будет конкурировать с иранским портом Чабххар, объектом повышенного интереса Индии. В связи с этим необходимо согласование трех сторон в вопросах эксплуатации этих двух морских портов. Многосторонний формат согласований с участием Ирана, безусловно, понадобится в послевоенном восстановлении инфраструктуры Сирии.

Безопасность в регионе / Security in the region

Китай беспокоит способность государств Центральной Азии контролировать свои границы особенно в труднопроходимых районах горной местности с точки зрения возможности проникновения в КНР экстремистов с этих территорий¹⁷. Особое беспокойство в этом контексте вызывает Таджикистан, имеющий с Афганистаном границу длиной более 1 300 км. Некоторые эксперты в связи с этим заявляют даже о планах Китая по строительству военной базы на афгано-таджикской границе¹⁸ [Сизов, 2020]. Поэтому совершенно обоснован интерес Пекина к этой работе в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее — ШОС). В связи с этим интересно предложение президента Российской Федерации В.В. Путина «о возобновлении деятельности Контактной группы “ШОС — Афганистан”» на прошедшем 17 сентября 2021 г. в Душанбе юбилейном саммите ШОС¹⁹. Данная контактная группа была образована еще в 2005 г. для налаживания конструктивного диалога с правительством Афганистана, выработки предложений и рекомендаций о сотрудничестве по вопросам, представляющим взаимный интерес. Но из-за отсутствия консенсуса между странами-участницами по некоторым поднимаемым вопросам на протяжении последующих встреч, деятельность контактной группы

¹⁷ Stanzel A. (2018). Fear and loathing on the New Silk Road: Chinese security in Afghanistan and beyond // European Council on Foreign Relations. Режим доступа: <https://www.cgdev.org/article/fear-and-loathing-new-silk-road-chinese-security-afghanistan-and-beyond-european-council> (дата обращения: 14.09.2021).

¹⁸ Stronski P. (2018). China and Russia's uneasy partnership in Central Asia // East Asia Forum. Режим доступа: <https://www.eastasiaforum.org/2018/03/29/china-and-russias-uneasy-partnership-in-central-asia/> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁹ Латухина К. (2021). Путин призвал к формированию согласованной стратегии по Афганистану // Российская газета. Режим доступа: <https://rg.ru/2021/09/19/putin-prizval-k-formirovaniu-soglasovannoj-strategii-po-afganistanu.html> (дата обращения: 19.09.2021).

была приостановлена²⁰. В настоящее время страны — участницы ШОС поставили перед собой задачу по выстраиванию диалога с талибами. Первоочередной задачей ШОС в регионе, по-прежнему, остается обеспечение безопасности и стабильности, противодействие терроризму, экстремизму и сепаратизму, распространению наркотиков и оружия. Для КНР упомянутый выше Синьцзян-Уйгурский автономный район вызывает наибольшее беспокойство с учетом проживания в нем более десяти миллионов уйгуров, исповедующих ислам. А общая граница с Афганистаном проходит именно на территории этого района в труднодоступных горах, где дислоцируется большая часть боевиков. Отсюда в районе сильно развиты сепаратизм и экстремизм²¹.

Проблемы безопасности будут еще более важны для Пекина в исследуемом нами регионе по мере развития реализации китайской инициативы «Один пояс — один путь». Приведем лишь три проекта в качестве примера. Построены железные дороги Пап — Ангрэн (Узбекистан), Узень — Беркет — Горган (Казахстан, Туркменистан, Иран). Начал свою работу центр приграничного сотрудничества «Хоргос» на китайско-казахстанской границе. Кроме этого, Киргизия заявила о готовности стать цифровым центром в регионе после подключения к оптоволоконным линиям китайского «цифрового Шелкового пути»²². Но текущая обстановка с пришедшими к власти талибами не позволяет осуществлять реальное строительство всех запланированных железнодорожных и автодорожных проектов.

Стратегия Китайской Народной Республики / Strategy of the People's Republic of China

Необходимо обратить внимание, опираясь на авторитет известных зарубежных обозревателей, на существенные коррективы стратегии Китая в ближневосточном регионе в целом²³. Вслед за основными поставщиками нефти персидского залива КНР сейчас фокусируется на странах Леванта (Сирия, Иордания, Ливан, Израиль, Палестина). Сирия рассматривает

Китай как главного партнера в восстановлении своей экономики, в первую очередь — разрушенной войной инфраструктуры²⁴. Для Китая Сирия интересна, прежде всего, своим географическим расположением в контексте проекта «Один пояс — один путь». Именно благодаря последовательной реализации этой инициативы накопленные инвестиции в экономику стран Ближнего Востока превысили сегодня 123 млрд долл. США²⁵ [Dunne, 2021]. А это, как уже отмечено выше, означает усиление влияния Китая на Центральную и Южную Азию, африканский и европейский континенты через создание и развитие торговых путей в этих регионах. Китай обновляет все сферы деятельности в регионе, конечно, используя уже опробованные в других регионах элементы «мягкой силы». Успешно продвигается на Ближний Восток китайская вакцина от COVID-19, абсолютно конкурентоспособная с западными аналогами по цене, качеству, условиям транспортировки и хранения²⁶. Китай заинтересован в получении от ближневосточных государств углеводородного сырья и многое делает для этого. Как отмечалось ранее, арендован порт в Пакистане, планируется прокладка железнодорожных маршрутов и трубопроводов. Китай, таким образом, превращается из импортера углеводородного сырья в партнера во многих сферах научно-технического сотрудничества, образования и культуры.

Выводы / Conclusion

1. По мнению авторов статьи, китайская инициатива «Один пояс — один путь» относится не дорогам, а к мышлению, умению подстраиваться друг под друга, обмениваться знаниями, навыками и умениями, приобщать к новому и передовому другие страны.

2. Одним из ключевых центров пересечения древнейших торговых и экономических путей был Афганистан. Эта страна, по-прежнему, является территорией пересечения интересов крупных держав, которые хотят обозначить здесь свое экономическое, политическое, геостратегическое присутствие после

²⁰ ШОС (2019). Контактная группа «ШОС — Афганистан». Режим доступа: http://rus.sectso.org/about_sco/20190716/565424.html (дата обращения: 21.09.2021).

²¹ ИНФО ШОС. Афганистан // Информационно-аналитический сайт «ИнфоШОС.Ру». Режим доступа: <http://www.infoshos.ru/ru/?idreg=11> (дата обращения: 21.09.2021).

²² Hashimova U. (2018). Why Central Asia is betting on China's Belt and Road. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2018/08/why-central-asia-is-betting-on-chinas-belt-and-road/> (дата обращения: 13.09.2021).

²³ Kuo M.A. (2020). China and Middle East: conflict and cooperation // The Diplomat. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2020/12/china-and-the-middle-east-conflict-and-cooperation/> (дата обращения: 01.10.2021).

²⁴ Xinhua (2021). China calls for efforts to advance political process, improve humanitarian situation in Syria // XinhuaNet. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/21/c_139686752.htm (дата обращения: 21.09.2021).

²⁵ Dunne C.W. (2021). China's belt and road initiative and US Middle East policy // Arab Center Washington DC. Режим доступа: <https://arabcenterdc.org/resource/chinas-belt-and-road-initiative-and-us-middle-east-policy/> (дата обращения: 17.09.2021).

²⁶ Bodetti A. (2021). China's vaccine Diplomacy in the Middle East. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2021/01/chinas-vaccine-diplomacy-in-the-middle-east/> (дата обращения: 16.09.2021).

вывода коалиционных войск во главе с США [Дьяконова и др., 2019; Балакин, 2019].

3. Деятельность Китая на Ближнем Востоке и, в частности, в Афганистане вызывает и в дальнейшем продолжит встречать резкую отрицательную реакцию со стороны США. Соединенные Штаты уже продвигают новый проект «Сеть голубых точек», который должен, по мнению американцев, оценивать и сертифицировать инфраструктурные проекты по всему миру. Российско-китайские отношения также не до конца определены в вопросе такой активности Пекина в этом регионе, где традиционно соперничали Москва и Вашингтон [Michnik, 2021].

4. В ближайшие годы на политическую и особенно экономическую активность КНР в мире в целом и, в частности, в регионе Центральной Азии, в том числе и в Афганистане, будут влиять последствия пандемии COVID-19. Сегодня это уже негативно сказывается на транспортировке грузов морским путем. Поэтому сейчас все больше будут приобретать приоритетность перевозки товаров наземным транспортом. Для этого необходимы соответствующие железнодорожные и автотранспортные артерии, а для поставок углеводородного сырья – трубопроводы.

5. На сегодня практически основная часть структурного обеспечения вокруг Афганистана уже построена: на юго-западе – это Пакистан и Иран, а на севере – среднеазиатские республики с выходами на российские просторы. В Афганистане продолжается работа по включению этой

страны в «Экономический пояс Шелкового пути»: у границ Афганистана имеются соответствующие транспортные маршруты, проведены изыскания полезных ископаемых, в короткие сроки могут быть проложены железнодорожные маршруты, прокладываются электролинии, особенно на севере страны, существуют проекты прокладки трубопроводов с севера на юг и с востока на запад.

6. Сейчас все зависит от внутренней военно-политической ситуации в Исламской Республике Афганистан. Насколько можно судить по информационным сообщениям, с талибским правительством особых проблем у КНР не ожидается. На действия движения «Талибан» Китай сможет повлиять и через Пакистан. Остается основной вопрос – сможет ли нынешний политический режим Исламской республики Афганистан справиться с формированиями Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)²⁷, особенно с теми, которых поддерживают США и Турция. Американцы, которые перебрасывали свои силы из Сирии, вряд ли спокойно отдадут этот регион Пекину.

²⁷ Запрещенная в России организация решением Верховного суда РФ от 29.12.2014 г. // Информационно-правовой портал «Гарант». Режим доступа: <https://base.garant.ru/70854558/> (дата обращения: 02.10.2021).

Список литературы

Балакин В.И. (2019). Современное китайское государство как фактор геополитической стабильности на континенте Евразия // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН «70 лет современному китайскому государству», Москва, 20–22 марта 2019 г. С. 306–315.

Дьяконова М.А., Тимофеев О.А., Шарипов Ф.Ф. (2019). Геополитические интересы Китая в Центральной Азии и Афганистане // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН «70 лет современному китайскому государству», Москва, 20–22 марта 2019 г. С. 284–292.

Румянцев Е.Н. (2019). О концепции «Пояса и пути» // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН «70 лет современному китайскому государству», Москва, 20–22 марта 2019 г. С. 209–219.

Сизов Г.А. (2020). Трансформация роли Китая в афганском вопросе и обеспечении безопасности в Центральной

References

Balakin V.I. (2019), “Modern Chinese state as a factor geopolitical stability in Eurasia”, *Proceedings of the Annual Research Conference of the Centre for Policy Studies and Forecasting of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences “70 Years of the Modern Chinese State”*, Moscow, March 20–22, 2019, pp. 306–315. (In Russian).

Dyakonova M.A., Timofeev O.A., and Sharipov F.F. (2019), “Geopolitical interests of China in Central Asia and Afghanistan”, *Proceedings of the Annual Research Conference of the Centre for Policy Studies and Forecasting of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences “70 Years of the Modern Chinese State”*, Moscow, March 20–22, 2019, pp. 284–292. (In Russian).

Michnik W. (2021), “Great power rivalry in the Middle East”, *Expert Comment*, no. 7, January 18. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349042711_Great_power_rivalry_in_the_Middle_East (accessed 10.09.2021). <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.10072.21760>

O’Brien D. and Primiano C.B. (2020), “Opportunities and risks along the New Silk Road: perspectives and perceptions on the

Азии // Сравнительная политика. Т. 11, № 2. С. 89–96. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10022>

Юсуфзай З.И., Шах А.А. (2019). Стратегические интересы Китая в области политико-экономических отношений и безопасности в Афганистане после 11 сентября 2001 г. // Русская политология. № 2 (11). С. 58–68.

Michnik W. (2021). Great power rivalry in the Middle East // Expert Comment. No. 7 (January 18). Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/349042711_Great_power_rivalry_in_the_Middle_East (дата обращения: 10.09.2021). <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.10072.21760>

O'Brien D., Primiano C.B. (2020). Opportunities and risks along the New Silk Road: perspectives and perceptions on the Belt and Road Initiative (BRI) from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region // International Flows in the Belt and Road Initiative Context. Pp. 127–145. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3133-0_6

Sarker N.I., Hossin A., Yin X., Sarkar K. (2018). One belt one road initiative of China: Implication for future of global development // Modern Economy. V. 9, No. 4. Pp. 623–638. <https://doi.org/10.4236/me.2018.94040>

Sarwar F., Siraj U. (2021). Afghan peace process: Regional complexities and the role of China // NUST Journal of International Peace and Stability. V. 4, No. 1. Pp. 40–52. <https://doi.org/10.37540/njips.v4i1.78>

Belt and Road Initiative (BRI) from the Xinjiang Uyghur Autonomous Region”, *International Flows in the Belt and Road Initiative Context*, pp. 127–145. https://doi.org/10.1007/978-981-15-3133-0_6

Rumyantsev E.N. (2019), “On China’s “One belt, One road” concept”, *Proceedings of the Annual Research Conference of the Centre for Policy Studies and Forecasting of the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences “70 Years of the Modern Chinese State”*, Moscow, March 20–22, 2019, pp. 209–219. (In Russian).

Sarker N.I., Hossin A., Yin X., and Sarkar K. (2018), “One belt one road initiative of China: Implication for future of global development”, *Modern Economy*, vol. 9, no. 4, pp. 623–638. <https://doi.org/10.4236/me.2018.94040>

Sarwar F. and Siraj U. (2021), “Afghan peace process: Regional complexities and the role of China”, *NUST Journal of International Peace and Stability*, vol. 4, no. 1, pp. 40–52. <https://doi.org/10.37540/njips.v4i1.78>

Sizov G.A. (2020), “Transformation of the role of China in the Afghan issue and ensuring security in Central Asia”, *Comparative Politics Russia*, vol. 11, no. 2, pp. 89–96. <https://doi.org/10.24411/2221-3279-2020-10022> (In Russian).

Yousafzai Z.I. and Shah A.A., (2019), “China’s strategic interests in political-economic relations and security in Afghanistan after September 11, 2001”, *Russian Political Science*, no. 2 (11), pp. 58–68. (In Russian).

Translation of front references

¹ MFA (2015), “Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road”, *Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China*. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/t1249618.shtml (accessed 28.09.2021).

² Bokhari F. (2019), “Afghanistan peace talks open way for China’s Belt and Road”, *Nikkei Asia*. Available at: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Belt-and-Road/Afghanistan-peace-talks-open-way-for-China-s-Belt-and-Road> (accessed 27.08.2021).

³ Stone R. (2019), “China’s first engaged the Taliban to protect its interests in Afghanistan in the 90s. Decades later, history repeats itself”, *TRT World*. Available at: <https://www.trtworld.com/opinion/the-odd-couple-china-s-deepening-relationship-with-the-taliban-28712> (accessed 02.10.2021).

⁴ Banned on the territory of Russia by the decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 14.02.2003. Available at: <http://nac.gov.ru/print/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya/reshenie-verhovnogo-suda-rf-ot-14-fevralya.html> (accessed 02.10.2021).

⁵ Kaura V. (2020), “What does China’s growing engagement in Afghanistan mean for the US?”, *Middle East Institute*. Available at: <https://mei.edu/publications/what-does-chinas-growing-engagement-afghanistan-mean-us> (accessed 10.09.2021).

⁶ Wang Yu. (2020), “Xi’s Thought on Diplomacy Guides China and Afghanistan towards a Deeper and Richer relationship”, *Embassy of the People’s Republic of China in the Islamic Republic of Afghanistan*. Available at: <http://af.china-embassy.org/eng/zagx/t1804308.htm> (accessed 05.10.2021).

⁷ Zubarev D. (2021), “Taliban named China as Afghanistan’s main partner”, *Vzglyad*. Available at: <https://vz.ru/news/2021/9/3/1117032.html> (accessed 03.09.2021).

⁸ Makarova N. and Rezchikov A. (2021), “Expert told about China’s economic expansion strategy in Afghanistan”, *Vzglyad*. Available at: <https://vz.ru/news/2021/9/3/1117076.html> (accessed 03.09.2021).

⁹ *World Factbook* (2021), “Afghanistan”, *Central Intelligence Agency. The World Factbook*. Available at: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/> (accessed 15.09.2021).

¹⁰ IA-CENTR (2021), “Alexander Knyazev: the fate of trans-Afghan projects”, *MSU Information and Analysis Centre*. Available at: <https://ia-centr.ru/experts/aleksandr-knyazev/aleksandr-knyazev-o-sudbakh-transafganskikh-proektov/> (accessed 14.09.2021). (In Russian)

¹¹ RIA (2021), “China will provide food, winter goods and vaccines to Afghanistan”, *RIA Novosti*. Available at: <https://ria.ru/20210908/afghanistan-1749208104.html> (accessed 16.09.2021).

- ¹² Kommersant (2021), “China proposed Russia, Iran and Pakistan plan for cooperation on Afghanistan”, *Kommersant*. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4988278> (accessed 17.09.2021).
- ¹³ SRB (2020), “Gwadar port processes first transit goods for Afghanistan markets”, *Silk Road Briefing*. Available at: <https://www.silkroadbriefing.com/news/2020/07/27/gwadar-port-processes-first-transit-goods-afghanistan-markets/> (accessed 27.09.2021).
- ¹⁴ Guardian (2021), “Protests in Pakistan erupt against China’s belt and road plan”, *The Guardian News*. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2021/aug/20/water-protests-in-pakistan-erupt-against-chinas-belt-and-road-plan> (accessed 20.09.2021).
- ¹⁵ Goulard S. (2021), “Does the Belt and Road have a Future in Taliban-ruled Afghanistan?”, *Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2021/08/does-the-belt-and-road-have-a-future-in-taliban-ruled-afghanistan/> (accessed 21.09.2021).
- ¹⁶ Azad S. (2020), “China’s Stake in the Afghan Peace Process”, *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2020/09/chinas-stake-in-the-afghan-peace-process/> (accessed 22.09.2021).
- ¹⁷ Stanzel A. (2018), “Fear and loathing on the New Silk Road: Chinese security in Afghanistan and beyond”, *European Council on Foreign Relations*. Available at: <https://www.cgdev.org/article/fear-and-loathing-new-silk-road-chinese-security-afghanistan-and-beyond-european-council> (accessed 14.09.2021).
- ¹⁸ Stronski P. (2018), “China and Russia’s uneasy partnership in Central Asia”, *East Asia Forum*. Available at: <https://www.easiaforum.org/2018/03/29/china-and-russias-uneasy-partnership-in-central-asia/> (accessed 29.09.2021).
- ¹⁹ Latukhina K. (2021), Putin called for a coherent strategy on Afghanistan, *Rossiiskaya gazeta*. Available at: <https://rg.ru/2021/09/19/putin-prizval-k-formirovaniu-soglasovannoj-strategii-po-afganistanu.html> (accessed 19.09.2021).
- ²⁰ SCO (2019), “Shanghai Cooperation Organisation – Afghanistan. Contact Group”, *Shanghai Cooperation Organisation*. Available at: http://rus.sectSCO.org/about_sco/20190716/565424.html (accessed 21.09.2021).
- ²¹ InfoSHOS. “Афганистан”, *InfoSHOS.ru information and analysis website*. Available at: <http://www.infoshos.ru/ru/?idreg=11> (accessed 21.09.2021).
- ²² Hashimova U. (2018), Why Central Asia is Betting on China’s Belt and Road, *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2018/08/why-central-asia-is-betting-on-chinas-belt-and-road/> (accessed 13.09.2021).
- ²³ Kuo M.A. (2020), “China and Middle East: conflict and cooperation”, *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2020/12/china-and-the-middle-east-conflict-and-cooperation/> (accessed 01.10.2021).
- ²⁴ Xinhua (2021), “China calls for efforts to advance political process, improve humanitarian situation in Syria”, *XinhuaNet*. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/21/c_139686752.htm (accessed 21.09.2021).
- ²⁵ Dunne C. (2021), China’s Belt and Road Initiative and US Middle East Policy, *Arab Center Washington DC*. Available at: <https://arabcenterdc.org/resource/chinas-belt-and-road-initiative-and-us-middle-east-policy/> (accessed 17.09.2021).
- ²⁶ Bodetti A. (2021), “China’s vaccine Diplomacy in the Middle East”, *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2021/01/chinas-vaccine-diplomacy-in-the-middle-east/> (accessed 16.09.2021).
- ²⁷ Banned in Russia by the decision made by the Supreme Court of the Russian Federation dated on 29.12.2014, *Garant Information and Legal Portal*. Available at: <https://base.garant.ru/70854558/> (accessed: 02.10.2021).